

ОЛЬГА
ДАШКОВА

ЗВЕЗДА

для

КАПИТАНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Дашкова

Звезда для Капитанов

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Звезда для Капитанов / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Восемь месяцев пустоты, два капитана на борту и ни одного сигнала бедствия. Пока сканеры не поймали разбитый шаттл, на котором из двенадцати пассажиров выжила только она. Эва Старк очнулась в капсуле без одежды и без памяти, и она совсем не спешит прикрываться. Ей все равно, кто и куда смотрит, а оба мужчины смотрят слишком откровенно. Капитан Леон Хард привык держать все под контролем, но рядом с ней контроль трещит по швам. Пилот Марк Эйвери ждать разрешения не собирается и не скрывает, чего хочет. До ближайшей станции четыре месяца, и сойти с корабля некуда. Но почему компьютер шаттла стерли за шесть минут до атаки и откуда беглянка знает военные коды? Она не помнит, кто она. Или очень убедительно притворяется?

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Дашкова

Звезда для Капитанов

Глава 1

– Леон, ты там еще жив или уже сдох от скуки?

Голос Марка в наушнике звучал так, будто он стоял прямо за спиной, а не в противоположном конце корабля. Леон Хард даже не повернул головы и продолжал смотреть на главный экран, где уже третий час висела одна и та же пустая карта сектора.

– Если бы я сдох, ты бы узнал об этом первым, Астра давно грозит включиться по этому поводу траурный марш.

– Подтверждаю, капитан, – отозвался из-под потолка спокойный женский голос. – Марш выбран, громкость выставлена на максимум, ждем только повода.

– Вы оба меня не цените, – обиженно протянул Марк. – Я тут единственный, кто вносит в нашу жизнь хоть какое-то разнообразие, а мне в ответ – похоронная музыка.

«Вега-3» шла по своему участку патрулирования почти восемь месяцев, и за все это время им не поступило ни одного вызова. Ремонтно-спасательное судно, два человека на борту и искусственный интеллект, который иногда говорил больше, чем оба капитана вместе взятые.

За эти месяцы Леон изучил каждую царапину на панели управления и мог бы с закрытыми глазами нарисовать карту сектора. Включая три астероида, которые Марк в приступе тоски назвал именами своих бывших подружек и теперь регулярно передавал им приветы.

– Говори, что у тебя, или я отключу связь и впервые за неделю посижу в тишине.

– Шаттл, капитан, сильно поврежден, но сигнал еще идет. Слабый, как пульс у нашего кофейного автомата, но дышит, координаты я тебе уже скинул.

Леон открыл данные, и почти на самом краю их зоны загорелась маленькая красная точка. До ближайшей станции отсюда около четырех месяцев пути, так что, если на шаттле кто-то выжил, забирать его все равно придется им.

– Сколько человек было на борту?

– По манифесту двенадцать, обычный пассажирский рейс. Системы показывают одного живого, может, двоих, если второй еще не отключился окончательно.

– Понял тебя, идем на сближение, стыковку будешь делать сам.

– Ты это слышала, Астра? – оживился Марк. – Капитан доверил мне стыковку, запиши этот день в бортовой журнал, а лучше выбей на обшивке.

Леон поднялся с кресла, и костюм привычно натянулся на его широких плечах, плотно облекая их, как вторая кожа. Он привык к тому, что на корабле почти ничего не происходит, а Марк привык к тому, что Леон отвечает коротко и почти никогда не повышает голос, даже когда очень хочется.

В темном стекле иллюминатора на мгновение отразилось его лицо: короткие темные волосы с проседью на висках, тяжелая челюсть, плотно сжатые губы. Тридцать восемь лет, из которых почти двадцать прошли среди чужих обломков и сигналов бедствия, научили его не ждать от космоса ничего хорошего.

– Астра, подготовь шлюз и медотсек. Возможно, у нас будет один пострадавший.

– Принято, капитан, медотсек готов, а температура в жилом отсеке повышена на два градуса. Я также нашла в архиве инструкцию по общению с выжившими и рекомендую пилоту Эйвери внимательно изучить ее первый пункт.

– И что там написано? – тут же поинтересовался Марк.

– Там написано «не шутить», – невозмутимо ответила Астра. – Пункт выделен жирным шрифтом, думаю, его составитель был знаком с кем-то вроде вас.

Астра была на борту с самого начала, не слишком разговорчивая, но и далеко не молчаливая. Иногда Леону казалось, что она нарочно выбирает моменты, когда лучше промолчать, и так же нарочно их упускает.

* * *

Шаттл действительно выглядел плохо, гораздо хуже, чем обещали сканеры. Корпус был вскрыт в нескольких местах, один двигатель почти оторван, а шлюз заклинило так намертво, будто его заварили изнутри.

Марк мягко и точно подвел «Вегу» к поврежденному борту с той ленивой небрежностью, которая дается только хорошим пилотам. Он закинул на плечо тяжелый резак, защелкнул шлем и окинул обшивку шаттла долгим оценивающим взглядом.

– Красиво их кто-то потрепал, – протянул он, разглядывая черные подпалины на корпусе. – Если бы это была авария, то я бы оказался балериной и выступал по выходным на Марсе.

– Режь молча, балерина, разбираться будем потом.

Леон вошел первым, Марк последовал за ним, освещая путь фонарем. Внутри пахло горелой проводкой, кровью и чем-то сладковатым – так всегда пахнет, когда системы жизнеобеспечения работают на последнем издыхании.

Большинство пассажиров так и не успели добраться до скафандров и остались там, где их застала разгерметизация. Леон шел мимо, не останавливаясь и глядя только вперед, потому что давно научился отключать в себе все, что мешает работать.

В медицинском отсеке шаттла было темно и тихо, лишь у дальней стены горел единственный зеленый индикатор. Он принадлежал криокапсуле, и при виде нее Леон невольно замедлил шаг.

Капсула была нестандартной, старого образца, явно поставленная сюда отдельно от остального оборудования. Кто-то очень хотел, чтобы выжил именно этот человек, и, судя по остальным пассажирам, на всех остальных ему было глубоко наплевать.

– Открывай, только осторожно.

Марк хмыкнул, но спорить не стал и набрал на панели аварийный код. Крышка с тихим шипением отъехала в сторону, облако холодного пара медленно рассеялось, и внутри капсулы оказалась женщина, на которой не было абсолютно ничего.

Длинные светлые волосы разметались по подголовнику, высокая полная грудь вздымалась ровно и глубоко. Кожа была светлой и почти чистой, без синяков и ссадин, и только на правом бедре виднелся тонкий, уже почти затянувшийся шрам.

Длинные ноги были слегка раздвинуты, темные соски напряглись от холода, а по гладкой коже бежали едва заметные мурашки. Леон смотрел на нее дольше, чем следовало, и прекрасно понимал, что капитану спасательного судна не пристало так разглядывать пострадавших.

– Ну ни хрена себе, – тихо выдохнул Марк. – Капитан, я восемь месяцев молился о разнообразии, но, кажется, там, наверху, меня поняли слишком буквально.

– Заткнись, Марк, и проверь показатели.

Женщина открыла глаза, и оба мужчины одновременно замолчали. Серые глаза сначала были мутными, словно подернутыми дымкой, но взгляд быстро прояснился и стал неожиданно внимательным.

Глава 2

Она посмотрела на Леона, потом на Марка, потом снова на Леона, словно выбирая, с кого начать. Губы зашевелились, и голос прозвучал хрипло и слабо, но на удивление низко для такой хрупкой на вид женщины.

– Где я... что... что произошло?

– Ты на борту спасательного судна «Вега-3», и из всех пассажиров шаттла выжила только ты. Как тебя зовут?

Она медленно и долго моргала, а потом нахмурилась, как будто вопрос оказался слишком сложным. В серых глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность, но оно исчезло раньше, чем Леон успел это заметить.

– Я... я не знаю, как меня зовут, я... ничего не помню. Я...

Марк тихо присвистнул, но Леон даже не отвел взгляда от ее лица. Слишком спокойно она это сказала для человека, который только что потерял самого себя

– Совсем ничего?

– Совсем, – девушка провела языком по пересохшим губам, и ее голос зазвучал чуть увереннее. – Помню, что было очень холодно и кто-то кричал, а потом наступила темнота, и даже имени после нее не осталось.

Леон коротко кивнул, принимая ответ, хотя внутри у него что-то неприятно кольнуло. За двадцать лет он вытаскивал людей из самых разных обломков, но никто из них не смотрел на своих спасителей так, будто это они попали к ней в капсулу, а не наоборот.

– Вытаскивай ее, Марк, только аккуратно.

Марк уже протянул руки, ладони легли ей под лопатки и под колени, и он поднял ее легко, словно она ничего не весила. При этом его взгляд опустился вниз и задержался там, где задерживаться точно не стоило.

Леон заметил это, и его голос прозвучал тихо, но с той интонацией, которую Марк за три года научился безошибочно распознавать.

– Марк, глаза выше.

– Да ладно тебе, капитан, – буркнул тот, но все же поднял взгляд. – Я же не слепой, а в инструкции про «не смотреть» ничего не сказано, там только про «не шутить».

Девушка не дернулась и не попыталась прикрыться. Она посмотрела на Марка долгим спокойным взглядом снизу вверх и тихо произнесла, словно речь шла о погоде.

– Можешь не отворачиваться, мне совершенно все равно.

Марк на секунду замер, потом хмыкнул и понес ее к шлюзу с таким довольным видом, словно выиграл в лотерею. Леон шел следом, не говоря ни слова, и мрачно думал о том, что четыре месяца – это очень, очень долгий срок.

* * *

В медотсеке «Веги-3» Астра уже включила мягкий свет и подготовила кушетку. Марк уложил девушку бережно, с осторожностью, которой Леон за ним прежде не замечал.

Она тут же попыталась сесть, но руки задрожали, и ей пришлось опереться на локти. Леон набросил на нее тонкое одеяло, но поправлять его она не стала, лишь переводила взгляд с одного мужчины на другого.

– Астра, проводи полное сканирование.

– Начинаю, капитан, – ответил ИИ. – Жизненные показатели стабильны, легкое обезвоживание, следы длительного криосна, физических повреждений, угрожающих жизни, не обнаружено.

– А память?

– Зафиксированы нарушения, скорее всего, временные, – Астра выдержала короткую паузу. – Также отмечаю, что пульс пилота Эйвери превышает норму на тридцать ударов, но, полагаю, с криосном это никак не связано.

Марк закатил глаза и пробормотал что-то о предательстве и о том, что однажды он обязательно перепрограммирует ей голосовой модуль. Девушка молча выслушала все это, а когда Астра закончила, тихо спросила, глядя на Леона:

– И сколько мне здесь быть?

– До ближайшей станции около четырех месяцев, если по пути не будет других вызовов.

Она медленно кивнула, словно примеряя на себя этот срок. Потом перевела взгляд на Марка, который стоял, прислонившись плечом к стене, и даже не пытался сделать вид, что смотрит куда-то еще.

– Ты все еще смотришь на меня.

– А ты все еще голая, – ответил Марк без тени улыбки. – Так что привыкай, на этом корабле нас двое, а теперь еще и ты.

– Марк, ты помнишь первый пункт инструкции?

– Помню, капитан, поэтому и не шучу, я абсолютно серьезен, как никогда в жизни.

Девушка слегка улыбнулась, едва заметно, одними уголками губ. Одеяло медленно соскользнуло с ее плеча, обнажив округлость груди, но она не спешила его поправлять.

– Эва, – вдруг сказала она, и оба мужчины одновременно повернулись к ней. – Кажется, меня зовут Эва Старк, я только что это вспомнила.

Леон наблюдал, как одеяло сползает все ниже, как она не торопится его поднимать и как Марк дышит заметно чаще, чем положено здоровому человеку.

Четыре месяца втроем на корабле, с которого некуда сойти, и девушка, которая не помнит о себе ничего, кроме имени, зато чертовски красивая.

Она уже смотрела на них обоих так, словно решала, кто из них первым подойдет ближе. Леону это совсем не нравилось, и еще меньше ему нравилось то, что ответ на этот вопрос он уже знал.

Глава 3

– Пилот Эйвери, позвольте уточнить, вы несете в медотсек завтрак или только делаете вид, что несете завтрак?

Марк замер посреди коридора с подносом в руках и поднял глаза к потолку, откуда донесся спокойный голос Астры. Этой ночью он почти не спал, и впервые за восемь месяцев причиной бессонницы была вовсе не скука.

– Я несу пострадавшей белки, углеводы и витамины, как и положено по инструкции. Можешь проверить, там наверняка есть пункт о заботе о выживших.

– Такого пункта нет, но я ценю твою фантазию, – невозмутимо ответила Астра. – Еще отмечу, что вы подровняли щетину и надели чистую футболку, а такое в последний раз случилось перед медицинской проверкой на станции «Гелиос».

Марк пробормотал, что когда-нибудь доберется до ее голосового модуля с паяльником, и пошел дальше. Серая футболка плотно облегла широкую грудь и мощные руки, темно-русые волосы были собраны в хвост, и на любой станции этого обычно было достаточно, чтобы женщины оборачивались ему вслед.

Эва сидела на кушетке, поджав под себя длинные ноги, и на ней была его старая черная футболка. На груди выцветшими буквами было написано «Чини все, кроме разбитых сердец», и Марк вдруг понял, что за всю свою жизнь эта тряпка не выглядела так хорошо.

– Кажется, это моя футболка, – сказал он, ставя поднос на столик рядом с ней.

– Она лежала в шкафу медотсека, и я решила, что хозяин не будет против, – Эва подняла на него спокойные серые глаза. – Или будет?

– Хозяин не против, хозяин только интересуется, нет ли под ней еще чего-нибудь из его гардероба.

– А ты проверь, – она даже не улыбнулась, только слегка склонила голову набок.

Марк хмыкнул и опустился на стул напротив, широко расставив колени. Девочка умела отвечать, и от этого становилось только интереснее.

– Я бы с удовольствием, детка, но капитан вчера запретил мне шутить с выжившими. Про проверку он ничего не говорил, так что оставляю это на потом.

Эва взяла с подноса ложку, зачерпнула серую массу из контейнера и посмотрела на нее с таким подозрением, будто та могла укусить в ответ.

– Что это такое?

– Протеиновая паста со вкусом курицы, хотя сама курица об этом не знает. Через месяц привыкнешь, через два начнешь мечтать о ней по ночам, а через три будешь мечтать уже обо мне, потому что больше здесь мечтать не о чем.

– Ты всегда такой скромный?

– Только по утрам, к вечеру я раскрываюсь полностью.

Она все-таки улыбнулась, коротко и едва заметно, и тут же спрятала улыбку за ложкой. Марк откинулся на спинку стула, разглядывая, как ее светлые волосы падают на плечи и как футболка натягивается на груди при каждом вдохе.

– Расскажи мне о корабле, – попросила Эва. – Сколько вы уже летаете вдвоем и почему так далеко от всех?

– Три года вместе, восемь месяцев на этом маршруте, и за все это время ни одного вызова, пока не появилась ты. Леон говорит, что это стабильность, а я называю это медленной смертью от скуки.

– А какой он, твой капитан?

– Леон? – Марк фыркнул. – Отличный капитан и худший собеседник в галактике, улыбается раз в год, и то строго по уставу.

– Мне показалось, что он смотрел на меня не по уставу.

Марк на секунду замолчал, потому что она попала прямо в цель. Он и сам вчера видел, как Леон стоял у капсулы чуть дольше, чем следовало, и это почему-то задело его сильнее, чем хотелось бы.

– Знаешь, что мы выяснили о твоём шаттле, пока ты спала? – спросил он, меняя тему и внимательно следя за её лицом. – Он назывался «Альтаир-12», частный рейс со станции «Кронос» на Новую Эльбу.

– «Альтаир» – это звезда, – тихо сказала Эва. – Одна из самых ярких на старом земном небе.

– Интересно получается, главного ты не помнишь, а звезды отлично помнишь.

– Звезды запоминаются легче, чем люди, – пожала она плечами. – Они хотя бы не врут и не меняются.

Ответ прозвучал так естественно, что Марк почти поверил. Почти, потому что ложка в её руке на мгновение застыла в воздухе, а затем снова плавно опустилась в контейнер.

– Есть ещё пара забавных деталей, – продолжил он. – Шаттл отклонился от маршрута почти на двое суток пути, а зарегистрирован он на горнодобывающую компанию, которая три года назад официально обанкротилась.

– Мне это ни о чём не говорит, совсем ни о чём.

– А ещё в грузовом отсеке был один-единственный уцелевший контейнер, запечатанный военным кодом. Леон всю ночь пытался его вскрыть, но так и не смог.

Эва подняла глаза, и в них не было ни страха, ни интереса, только ровное спокойствие. Однако пальцы, сжимающие ложку, на секунду побелели, и Марк это заметил.

– Ты думаешь, я что-то скрываю? – девушка наклонилась к нему ближе, и между ними почти не осталось воздуха.

– Я думаю, что ты очень красивая женщина, которая слишком спокойно для такой ситуации ест протеиновую пасту.

– А ты слишком открыто на меня смотришь, Марк. Ты меня хочешь, и это видно.

– А я и не пытаюсь это скрывать, детка, – ухмыльнулся он, не отводя взгляда. – Скрывать что-то такого размера в любом случае бесполезно.

Эва тихо и низко рассмеялась, и этот смех отозвался у него где-то внизу живота. Она протянула руку и медленно провела пальцами по его запястью, по выступающим венам, словно изучая.

– Тогда тебе придется подождать, пока я сама не решу, – сказала она, не убирая рук. – Кстати, у вас на борту есть оружие или спасатели летают только с резаками?

– Два импульсных карабина и пистолет в сейфе у капитана, – ответил Марк, не успев даже подумать.

– Хорошо, – кивнула Эва и отпустила его руку. – С ними мне как-то спокойнее.

Марк поднялся, взял пустой контейнер и уже у двери медотсека вдруг понял, что за весь разговор не узнал о ней ровным счетом ничего. Зато она узнала о корабле, о капитане и даже об оружии все, что хотела.

– Пилот Эйвери, – раздался голос Астры, когда дверь за ним закрылась. – Капитан ждет вас в рубке, я закончила анализ бортового компьютера шаттла.

– Только не говорите, что там пусто, я сегодня не в настроении выслушивать плохие новости.

– Там пусто, но дело не в аварии, – ответила Астра. – Все данные были стерты изнутри и вручную ровно за шесть минут до того, как шаттл атаковали.

Марк обернулся и посмотрел сквозь стекло на Эву. Она сидела на кушетке все так же спокойно и, словно почувствовав его взгляд, медленно подняла голову и улыбнулась ему в ответ.

Глава 4

– Послушай вот это и скажи, узнаешь ли ты этот голос.

Леон коснулся панели, и в рубке зазвучала короткая запись длиной всего в три секунды – все, что Астра смогла вытащить из стертого компьютера шаттла. Женский голос, искаженный помехами, низкий и абсолютно спокойный, произнес: *«Код подтвержден, начинаю удаление»*.

Эва стояла у кресла второго пилота, все в той же футболке Марка, и слушала, слегка склонив голову набок. Когда запись закончилась, она еще несколько секунд молчала, словно ожидая продолжения.

– Это мог быть кто угодно из экипажа, – наконец сказала она. – Женщин на борту было несколько, если я правильно поняла ваш манифест.

– По манифесту их было четверо, и все четверо сейчас сидят в своих креслах там, где их застала разгерметизация. Удаление запустили за шесть минут до атаки, когда никто из них еще не знал, что она произойдет.

– Значит, кто-то все-таки знал, – Эва подняла на него серые глаза. – Думаешь, это была я?

– Я думаю, что ты единственная, кто выжил, и единственная, кто ничего не помнит. Слишком удобное совпадение, а я в совпадения не верю с тех пор, как научился читать бортовые журналы.

Она медленно опустилась в кресло, закинула ногу на ногу, и футболка поползла вверх по бедру, обнажая тонкую полоску шрама. Леон заставил себя смотреть девушке в лицо, хотя это оказалось сложнее, чем допрашивать контрабандистов на станции «Кронос».

– Куда ты летела?

– Не помню, капитан, и мне очень жаль, что этот ответ вас не устраивает.

– Кто поставил капсулу на шаттл?

– Этого я тоже не помню, капитан Хард, – она слегка улыбнулась. – Вы всех спасенных допрашиваете в рубке или только тех, кто вам понравился?

– Шраму на твоем бедре не больше месяца, и он слишком ровный для случайной травмы. Это хирургический разрез, Эва.

– Может, мне аппендикс вырезали, – она медленно и задумчиво провела по шраму кончиками пальцев. – Хотя, кажется, аппендикс находится немного в другом месте, верно?

Дверь рубки отъехала в сторону, и внутрь ввалился Марк с кружкой в руке, распространив вокруг себя запах машинного масла и синтетического кофе. Он окинул взглядом происходящее и присвистнул.

– Леон, ты обещал допрос без пыток, а сам выглядишь так, будто вот-вот достанешь паяльник. Детка, он тебя не обижает?

– Пока нет, – ответила Эва. – Но очень старается выглядеть устрашающе.

– Это он умеет, – Марк плюхнулся в соседнее кресло и подмигнул ей. – Знаешь, как наш капитан соблазняет женщин? Зачитывает им устав, пока они не сдаются от скуки.

– Марк, выйди из рубки.

– С чего бы это? Я пилот и тоже как бы капитан этого корабля, и рубка, если ты не заметил, – мое рабочее место.

– Твое рабочее место сейчас в техническом отсеке, где уже второй день мигает датчик охлаждения.

– Датчик мигает с прошлого рейса и до сих пор жив, подождет. А вот ты, капитан, похоже, решил, что раз она ничего не помнит, то с ней можно разговаривать как с заключенной.

Леон развернулся к нему всем корпусом, и в рубке как будто сразу стало теснее. За три года они часто спорили, но еще ни разу спор не начинался из-за женщины, которая сидела в двух шагах и с явным интересом наблюдала за ними.

– Ее шаттл стерли изнутри, Марк. На борту был контейнер с военным кодом, а она лежала в капсуле, которую кто-то поставил отдельно и спрятал от всех.

– И что ты предлагаешь, запереть ее в шлюзе и ждать, пока она все вспомнит? – Марк поставил кружку на панель. – Знаешь, в чем твоя проблема, Леон? Ты боишься не ее, ты боишься того, что она тебе нравится.

– Не носи чушь, у меня нет на это времени.

– Ага, конечно, – ухмыльнулся Марк. – Я вчера видел, как ты стоял у капсулы, капитан, у тебя даже форма в одном месте натянулась совсем не по уставу.

Эва тихо рассмеялась, прикрыв рот ладонью, и Леон почувствовал, как к лицу приливает жар, которого он не испытывал, наверное, лет десять. Он шагнул к Марку, и тот поднялся навстречу, широкоплечий, с вызывающей ухмылкой на губах.

– Еще одно слово, и следующие четыре месяца ты будешь драить фильтры в санблоке.

– Ой, как страшно, – развел руками Марк. – Давай, наказывай меня, капитан, только учти, что фильтры я чищу лучше всех, и потом ты сам будешь жаловаться, что вода пахнет розами.

Пока они стояли друг напротив друга, Эва поднялась с кресла и подошла к боковой панели, на которой отображался статус груза, поднятого с шаттла. Леон заметил ее краем глаза, и что-то заставило его замолчать на полуслове.

Она стояла к ним спиной и смотрела на красный значок блокировки, под которым мигала надпись: «Контейнер 4-Б, военный код, доступ запрещен».

Пальцы легко коснулись экрана и быстро и уверенно пробежались по цифрам, как пальцы пианиста по давно знакомым клавишам.

Значок сменил цвет с красного на желтый, а внизу появилась строка: «Первичный уровень подтвержден, ожидание второго ключа».

Эва убрала руку и, кажется, сама не сразу поняла, что сделала, потому что несколько секунд разглядывала свои пальцы, как будто видела их впервые.

Марк этого не видел, он все еще стоял лицом к Леону и что-то говорил про розы и фильтры. А Леон видел все до последней цифры, и по его спине пробежал холодок, не имевший никакого отношения к температуре в рубке.

– Что ты сейчас сделала? – тихо спросил он, и Марк наконец замолчал.

Эва обернулась, и на ее лице отразилось лишь легкое недоумение, такое искреннее, что в него хотелось поверить. Она слегка приподняла брови, словно не понимая, почему оба мужчины так пристально на нее смотрят.

– Ничего, я просто хотела посмотреть, что это за экран, а он вдруг загорелся. Я что-то сломала?

– Иди в свою каюту, Эва. Марк, проводи ее и возвращайся к своему датчику.

Марк хотел возразить, но что-то в лице Леона заставило его передумать. Он взял Эву под локоть, и она спокойно пошла за ним, не оглядываясь, лишь у самой двери слегка повернула голову, и Леону показалось, что на ее губах мелькнула улыбка.

Когда дверь за ними закрылась, Леон подошел к панели и долго смотрел на желтый значок. Восемь цифр, введенных за две секунды, без единой ошибки и малейших колебаний.

– Астра, с этой минуты следи за каждым ее шагом. За каждым разговором, за каждым прикосновением к панели и за каждым вдохом, если понадобится.

– Я слежу с первой минуты, капитан Хард, – ответила Астра. – За всеми троими.

– А за нами-то зачем?

– Потому что вы оба ведете себя нетипично, а нетипичное поведение экипажа входит в мои обязанности, – Астра выдержала паузу. – И еще одно, капитан Хард: код, который она ввела, хранится в моей памяти.

Леон медленно поднял глаза к потолку, и его голос прозвучал глухо, словно издали.

– Откуда он у тебя?

– Я не знаю, капитан, – ответила Астра, и впервые за все эти годы в ее спокойном голосе прозвучало что-то похожее на растерянность. – Вчера этой записи не было, и я не могу знать, кто ее туда поместил.

Глава 5

– Леон, она переставила весь камбуз, и теперь я не могу найти собственный кофе.

Марк стоял посреди тесной кухни с пустой кружкой в руке и растерянно открывал один шкафчик за другим. Леон сидел за столом с планшетом и даже не поднял головы, хотя уголок его рта едва заметно дрогнул.

– Кофе слева, на второй полке, рядом с солью, – раздался спокойный голос Астры. – Эва решила, что так удобнее, и, по моим расчетам, она права.

– По твоим расчетам, конечно, – проворчал Марк, доставая банку. – Три дня на борту, а уже командует моей кухней, как будто прожила здесь всю жизнь.

Эва действительно освоилась на «Веге» удивительно быстро. Она не спрашивала дорогу, не путалась в одинаковых коридорах и в первый же день сама нашла склад с одеждой, хотя на схеме корабля он значился как технический отсек номер шесть.

Леон заметил это еще позавчера и с тех пор каждый вечер просматривал записи Астры. Эва не задавала лишних вопросов, ни к чему подозрительному не прикасалась и больше не подходила к панели с грузом, но именно это спокойствие тревожило его сильнее всего.

– Астра, где она сейчас?

– В оранжерее, капитан Хард. Разговаривает с помидорами и, судя по интонации, отчитывает их за плохой рост.

Марк фыркнул в кружку, и кофе едва не оказался на столе. Леон бросил на него тяжелый взгляд, но смеха это не остановило.

Вечером Марк вернулся из технического отсека грязный, как черт, и злой на датчик охлаждения, который снова мигал без всякой причины. Он мечтал только о горячей воде и о том, чтобы хотя бы десять минут не думать о светловолосой женщине, которая третий день не выходила у него из головы.

Не думать не получалось ни днем, ни ночью. Стоило закрыть глаза, и он снова видел ее в капсуле, обнаженную, с мурашками на светлой коже, и тело отзывалось так, что приходилось вставать и идти под холодную воду.

Дверь в санблок оказалась приоткрыта, изнутри валил пар и доносился шум воды. Марк остановился на пороге и понял, что холодный душ ему сегодня уже не поможет.

Эва стояла под струями воды спиной к двери, и мокрые светлые волосы облепили ее плечи и спину до самой поясницы. Вода стекала по изгибу позвоночника, по округлым ягодцам и длинным стройным ногам, а пар размывал картину, превращая ее в один из тех снов, после которых Марк просыпался злой и взмокший.

В паху сразу тяжело и горячо налилось, рабочие штаны стали тесными, и он стиснул зубы так, что заныли скулы. Восемь месяцев без женщины, восемь месяцев пустоты, а теперь она стояла в двух шагах, мокрая, голая, и даже не думала прикрываться.

– Ты пришел мыться или смотреть? – спросила девушка, не оборачиваясь.

– Я многозадачный, детка, могу совмещать, – голос прозвучал хрипло, и Марк привалился плечом к косяку, скрестив руки на груди, чтобы занять их хоть чем-то. – Дверь, кстати, была открыта, так что формально это ты меня пригласила.

– Формально я просто не знала, как она закрывается.

– Где лежит мой кофе, ты за три дня выяснила, а как закрывается дверь, не знаешь?

Эва повернулась медленно, без малейшего смущения, и вода заскользила по высокой полной груди, по темным напряженным соскам и плоскому животу. Марк сглотнул, чувствуя, как кровь стучит в висках и ниже, и подумал, что Леон, наверное, прав и от нее одни неприятности, только неприятности эти были самыми сладкими в его жизни.

Руки чесались от желания шагнуть вперед, прижать ее к мокрой стене и забыть обо всех капитанах и приказах на свете. Он почти физически ощущал, какой гладкой и горячей будет ее кожа под его ладонями, и именно поэтому остался стоять у косяка, вцепившись пальцами в собственные локти.

– Подай полотенце, раз уж ты все равно здесь.

Он снял с крючка большое полотенце и протянул ей, не сделав ни шага назад. Эва выключила воду, вышла из кабины и остановилась так близко, что тепло ее влажной кожи проникло сквозь его футболку, а запах мыла смешался с ее собственным, тонким и дразнящим.

– Знаешь, мне всегда нравилось смотреть, как женщины выходят из душа, – тихо сказал Марк. – Но ты делаешь это так, что хочется срочно затащить тебя обратно и не выпускать до утра.

– Это угроза или обещание?

– Это план, детка, и он у меня полностью готов, включая запасной вариант и пару вариантов на десерт.

Он поднял руку, коснулся мокрой пряди у ее щеки и отвел ее за ухо, и пальцы задели нежную кожу шеи. Эва не отстранилась, только смотрела на него снизу вверх спокойно и внимательно, а уголки ее губ чуть дрогнули, будто она прекрасно знала, что с ним сейчас творится.

Марк наклонился ближе, ее губы были совсем рядом, приоткрытые, влажные, и он уже чувствовал на себе ее дыхание. Но Эва положила ладонь ему на грудь и мягко остановила, а пальцы задержались на футболке чуть дольше, чем требовалось, и это было хуже любого отказа.

– Не сегодня, Марк.

– Тогда когда? – выдохнул он, и собственный голос показался ему чужим. – Учти, ждать я могу, но очень плохо, очень громко и с большим ущербом для собственного здоровья.

Эва улыбнулась и начала заворачиваться в полотенце, а потом вдруг замерла. Ее рука медленно опустилась на правое бедро, туда, где белел тонкий шрам, и пальцы прижались к нему, словно под кожей что-то шевельнулось.

Несколько секунд она смотрела в одну точку где-то за плечом Марка, не двигаясь и, кажется, даже не дыша. Желание схлынуло мгновенно, оставив после себя холодок, потому что так смотрят не на стену санблока, а на что-то очень далекое, чего рядом нет.

– Эй, ты чего? – он осторожно тронул ее за локоть. – Болит?

– Нет, – Эва моргнула, и взгляд снова стал ясным и спокойным. – Ничего не болит, тебе показалось.

– Мне не показалось, ты держалась за шрам так, будто он горит.

– Тебе показалось, Марк, – мягко повторила она, но так, что спорить расхотелось. – Спокойной ночи, и не забудь, что твой кофе теперь на второй полке.

Она вышла, оставив на полу мокрые следы и запах, от которого у Марка снова потяжелело внизу живота. Он еще долго стоял в пустом санблоке, а потом с силой выкрутил кран холодной воды до упора и встал под ледяные струи прямо в одежде.

– Астра, ты это видела?

– Видела, пилот Эйвери, – отозвалась Астра. – На одиннадцать секунд ее пульс упал до сорока ударов, а потом вернулся к норме, хотя никакой физической нагрузки не было.

– А мой пульс тебя не интересует?

– Ваш пульс меня не удивляет уже третий день, – невозмутимо ответила Астра. – А отчет о ее пульсе я уже отправила капитану Харду.

В рубке горел только приглушенный ночной свет, и звезды за иллюминатором казались ярче, чем днем. Леон сидел в капитанском кресле с отчетом Астры на экране и в третий раз перечитывал одну и ту же строчку про одиннадцать секунд.

Дверь бесшумно разъехалась за его спиной, и он понял, кто пришел, еще до того, как обернулся. Эва стояла на пороге, и на ней больше не было старой футболки Марка.

Серебристая форма из склада облегла ее тело, как вторая кожа, мягко поблескивая в полумраке рубки. Молния спереди была расстегнута ниже, чем позволял любой устав, открывая ложбинку между грудей, а ткань обтягивала тонкую талию, округлые бедра и длинные ноги так плотно, что воображению почти ничего не оставалось.

– Не спится, капитан Хард?

– Тебе, судя по всему, тоже, – Леон погасил экран, но она, конечно, успела все увидеть. – Где ты взяла эту форму?

– На складе, в шестом отсеке, – Эва провела ладонью по серебристой ткани на бедре, как раз там, где под ней прятался шрам. – Она висела в самом конце, и мне показалось, что она ждала именно меня.

Леон знал этот склад наизусть и мог бы поклясться, что такой формы на «Веге» никогда не было. Эва прошла через рубку и опустилась в кресло второго пилота рядом с ним, а он смотрел на нее и понимал, что должен немедленно отправить ее обратно в каюту.

Мужчина не отправил, девушка не ушла.

Они молчали слишком долго, гораздо дольше, чем молчат двое людей, которым нечего сказать друг другу.

Глава 6

– Вы всегда так долго молчите, капитан Хард, или это особая честь только для меня?

Голос Эвы прозвучал тихо, почти шепотом, и все равно показался Леону слишком громким в ночной тишине рубки. Он не повернул головы и продолжал смотреть на звезды, хотя видел только ее отражение в темном стекле иллюминатора.

– Я молчу, когда мне нечего сказать, а говорить, когда нечего сказать, привычка Марка.

– А мне кажется, вам есть что сказать, просто вы не разрешаете себе этого делать.

Она подтянула колени ближе к груди, и серебристая ткань тихо зашуршала, натягиваясь на бедрах. Леон стиснул пальцы на подлокотнике и подумал, что за много лет службы ни один вопрос не давался ему так тяжело, как это молчание.

– Почему ты здесь, Эва?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Проснулась и поняла, что должна прийти именно сюда, в рубку, к вам.

Эва и сама не могла бы объяснить, откуда взялось это чувство. Оно поднималось откуда-то из глубины, спокойное и настойчивое, словно чужой голос, который повторял, что этот корабль должен принадлежать ей, а вместе с ним и оба его капитана.

Ей следовало бы испугаться этой мысли, но вместо страха внутри разливалось странное тепло. Она не помнила, кто она, зато каждой клеткой чувствовала, что умеет брать то, что хочет, и что умела это всегда.

– Вы ведь боитесь меня, капитан?

– Я не боюсь людей, которых не понимаю, я просто за ними наблюдаю.

– Тогда наблюдайте внимательнее, – Эва медленно положила ладонь поверх его руки на подлокотнике. – Вдруг увидите что-нибудь интересное.

Ее пальцы были теплыми, легкими, но Леону показалось, что они прожигают кожу насквозь. Он должен был убрать руку, встать, отдать приказ и отправить ее в каюту, однако тело не слушалось, и впервые за много лет он не знал, кто сейчас командует этим кораблем.

Эва наклонилась к нему, мужчина почувствовал запах ее кожи, теплый и тонкий, от которого пересохло во рту. Серые глаза оказались совсем близко, спокойные и внимательные, будто она давала ему последний шанс отступить.

Он не отступил и поцеловал ее сам, грубо, жадно, словно все восемь месяцев пустоты и все годы одиночества разом прорвались наружу. Ладонь легла ей на затылок, пальцы запутались в мягких светлых волосах, и Эва ответила так же жадно, с тихим стоном, от которого внутри у него все перевернулось.

Она была горячей, податливой и одновременно сильной, и ее губы требовали больше, чем он имел право дать. Рука Леона скользнула вниз по серебристой ткани к талии, притягивая ближе, и в голове не осталось ничего, кроме ее вкуса и бешеного стука собственного сердца.

Леон оторвался от нее резко, будто обжегся, и отстранился, тяжело дыша. Несколько секунд они смотрели друг на друга в полумраке, и мужчина видел, как вздымается ее грудь в расстегнутом вырезе формы.

– Это была ошибка, – глухо сказал он. – Иди к себе, Эва.

– Ошибка – это то, что не хочется повторить, капитан Хард, – она поднялась, неторопливо поправила волосы и улыбнулась. – А вам хочется, я это чувствую.

Ушла, не оглядываясь, а Леон остался сидеть в кресле, глядя на свои руки, которые предательски дрожали. Он злился на себя так, как не злился много лет, и еще больше злился от того, что она была права.

В коридоре Эва остановилась и коснулась пальцами горящих губ. Сердце колотилось, тело ныло от неутоленного желания, но где-то глубоко внутри что-то спокойное и холодное отметило, что капитан дрогнул, и от этой мысли ей стало одновременно сладко и страшно.

Утром Марк вошел в камбуз первым и застыл с кружкой в руке, когда следом появилась Эва. Серебристая форма обтягивала ее так, что у него моментально пересохло в горле, а вчерашняя сцена в санблоке вспыхнула перед глазами со всеми подробностями.

– Ого, кто-то ночью ограбил склад старых фантастических фильмов, – выдавил он, стараясь звучать небрежно. – Детка, тебе идет, но учти, если ты будешь ходить в этом каждый день, я до станции не доживу.

– Доброе утро, Марк, – Эва села за стол и взяла кофе, который он только что налил себе. – Спасибо, ты очень заботливый.

Леон вошел последним, хмурый, с тенями под глазами, и сел на дальний край стола, не глядя ни на кого. Марк перевел взгляд с капитана на Эву и обратно, и в груди у него неприятно кольнуло.

– Астра, как спал наш капитан? – спросил он, не сводя глаз с Леона.

– Капитан Хард спал два часа сорок минут, – охотно отозвалась Астра. – А около трех часов ночи его пульс в рубке поднялся до ста двадцати ударов, хотя никакой угрозы кораблю не было.

В камбузе стало так тихо, что было слышно, как гудит система вентиляции. Марк медленно поставил кружку на стол, и улыбка сползла с его лица.

– Сто двадцать, значит, – протянул он. – Ты три года твердил мне, что женщина на корабле – это проблема, а сам первым побежал эту проблему решать, да, капитан?

– Это тебя не касается.

– Меня касается все, что касается ее, – Марк подался вперед, упираясь ладонями в стол. – Ты вчера чуть не разорвал меня из-за одной шутки, а сам ночью в рубке что, устав ей читал?

– Закрой рот, Марк, или я закрою его сам.

– Попробуй, капитан, – Марк поднялся, и стул с грохотом отъехал назад. – Только сначала сними форму, а то потом будешь жаловаться, что я испортил тебе погоны.

Леон тоже встал, и камбуз сразу стал слишком тесным для двух широкоплечих мужчин. Они стояли друг против друга, напряженные, злые, и за три года совместных полетов ни один из них не видел другого таким.

Эва смотрела на них поверх кружки и понимала, что должна чувствовать вину. Но вместо вины внутри разливалось то же спокойное тепло, что и ночью, будто кусочки чего-то большого и важного медленно вставляли на свои места.

– Вы закончили? – спросила она ровно, и оба мужчины обернулись к ней. – Кофе остывает, а мне не хотелось бы, чтобы вы разнесли кухню, которую я только вчера привела в порядок.

Марк хмыкнул, Леон отвел взгляд, и напряжение будто лопнуло, оставив после себя неловкую тишину. Оба сели на свои места, не глядя друг на друга, а Эва спокойно допила кофе, словно ничего не произошло.

Резкий сигнал тревоги разорвал тишину, и красный свет залил камбуз. Леон вскочил первым, Марк уже был у двери, а голос Астры прозвучал непривычно напряженно.

– Капитан Хард, пилот Эйвери, сканеры фиксируют сигнал на краю сектора. Он передается на частоте аварийного маяка «Альтаира-12».

– Это невозможно, – Марк обернулся. – Маяк шаттла сдох, я сам видел, как он отключился, когда мы забирали капсулу.

– Маяк шаттла молчит, – подтвердила Астра. – Сигнал идет из другого места, и источник медленно приближается к нам.

Леон посмотрел на Эву, и она встретила его взгляд спокойно, не моргая. Только рука ее медленно опустилась на правое бедро и прижалась к серебристой ткани там, где под ней прятался тонкий белый шрам.

Глава 7

– Это не корабль, капитан Хард, объект слишком мал для пилотируемого судна. Он прочесывает сектор квадрат за квадратом и повторяет сигнал маяка «Альтаира».

Рубку заливал красный свет тревоги, а по главному экрану медленно ползла крошечная светящаяся точка. Леон стоял над панелью, упираясь в нее ладонями, и лицо его было таким спокойным, что Марку стало не по себе.

Красные блики скользили по острым скулам капитана, подчеркивая ту неподвижность, которая всегда появлялась у него в моменты настоящей опасности.

– Ищейка, – глухо произнес Леон. – Кто-то запустил зонд, чтобы найти тех, кто откликнется на маяк, и добить их.

– Восемь месяцев о нас никто не вспоминал, а теперь охотятся с собаками, – Марк плюхнулся в кресло пилота, чувствуя, как холодок пробегает по позвоночнику. – Мне начинает нравиться наша популярность.

– Астра, полный режим тишины, двигатели, связь и свет отключить. Я остаюсь на вахте, а вы оба идите туда, где потеплее.

Огни погасли один за другим. Гул двигателей стих, системы жизнеобеспечения перешли на минимальный режим, и на корабль опустилась тишина – плотная, вязкая, почти осязаемая.

Марк слышал стук собственного сердца и тихий шорох собственной одежды. Остались только тусклые аварийные лампы вдоль пола, мертвенное сияние звезд за иллюминатором и слабое гудение реактора где-то глубоко внизу.

Теплее всего было в техническом отсеке. Остывающий реактор все еще отдавал металлу свое тепло, и обшивка у стены была почти горячей. Марк расстелил термоодеяло, бросил сверху куртку, сел, прислонившись спиной к теплому металлу.

Воздух здесь был суше и чуть пах озоном и горячим металлом. Через три часа изо рта уже вырывался легкий пар. Холод пробирался даже сюда – медленно, но неотвратно.

Дверь отъехала в сторону с тихим шипением. В проеме появилась Эва. Она дрожала, обхватив себя руками, и ее серебристая фигура в полумраке казалась покрытой инеем. Волосы растрепались, щеки порозовели от холода, а губы слегка посинели.

– В каюте как в морозилке, – тихо сказала она, голос дрожал. – Астра уверяет, что ты теплее реактора.

Марк откинул край одеяла. Эва опустилась рядом и сразу прижалась всем телом – холодная, дрожащая, жадная до тепла. Он обнял ее, притянул ближе, и почувствовал, как ее ледяные пальцы забираются ему под футболку, ложатся на живот.

Мышцы сами собой напряглись от этого прикосновения. Кожа у нее была почти ледяной, и контраст с его теплом заставил ее тихо выдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.